ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-58-66
УДК 321.01(045)

Становление русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства

Н.В. Асонов
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
https://orcid.org/0000-0002-1542-942X

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается роль политического участия Александра Невского в становлении русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства, сложившейся в ходе победы оборонительно-соглашательского лагеря политических сил над оборонительно-мобилизационным лагерем. Это обстоятельство повлекло за собой подчинение Руси «цесарю» Орды, предопределив характер последующей дискредитации удельно-княжеской системы управления и вечевых традиций в пользу самодержавно-соборной модели. Ее «оцерковленность» предусматривала в институциональной подсистеме политическое лидерство духовной власти во главе с митрополитом, а также строгую ориентацию на Церковное право и его ценностно-целевые установки в нормативной и культурно-идеологической подсистемах государственного устройства.

Ключевые слова: Александр Невский; митрополит Кирилл; «оцерковленное» государство; политическая система; православие

Для цитирования: **Асонов Н.В. Становление русского «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2020;10(3):58-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-58-66**

ORIGINAL PAPER

The Emergence of the Russian State Controlled by the Church as a New Model of a Political Entity

N.V. Asonov
Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
https://orcid.org/0000-0002-1542-942X

ABSTRACT

The article unveils the political role of Alexander Nevsky in the formation of a new (at the time) state structure of a church-controlled Russian government, which was formed as a result of numerous victories of "defence-conciliatory" political forces over "defence-marshalling" camp. This circumstance has led to subsequent subdual of Ancient Rus' to an Emperor of the Horde. It was effectively deciding the character of the following discrediting of Duchy-Nobilities system of feudal governing as well as the traditions of councils of "Veche" in favour of self-owning merger in which the key role belonged to one ruler. Its church-controlled nature of such institution dictated the leadership of ecclesiastic powers, led by a Metropolitan Bishop, as well as a strict orientation to Church Law and its values and objectives in the normative, cultural, and ideological subsystems of the state government.

Keywords: Alexander Nevsky; Metropolitan Cyril; "Church-controlled" state; political entity; Orthodox Christianity

For citation: **Asonov N.V. The emergence of the Russian state controlled by the Church as a new model of a political entity. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2020;10(3):58-66. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-58-66**

© Асонов Н.В., 2020

Среди знаменательных дат, выпавших на 2020 г., особое место в истории нашей страны занимает юбилей Александра Невского, причисленного к лику святых сразу после венчания на царство Ивана Грозного. Почитание этого князя на владимирской земле началось еще в 80-е гг. XIII в., когда при митрополите Кирилле было составлено его первое житие, хотя, некоторые эксперты относят данный труд к более позднему времени [1, с. 113]. С тех пор об Александре как о праведном правителе, дипломате и полководце было много написано. Но для анализа отечественных политических институтов особую значимость представляет его роль в строительстве «оцерковленного» государства как новой модели политического устройства, оказавшей влияние на возвышение Москвы и объединение вокруг нее Руси-России. К сожалению, эта тема осталась почти без внимания научного сообщества, направившего свой творческий поиск на религиозно-культурные, социально-экономические и военно-технические аспекты той эпохи.

Между тем российская политология, имея главным объектом своего исследовательского интереса власть и ее теоретико-процессуальные и институциональные аспекты, в силу своей относительной молодости только начинает осваивать новые тематические направления, находящиеся на стыке общественных наук. Одно из них связано с деятельностью Александра Невского, получившего прозвище «Храбрый»[1]. Нам неизвестна дата его рождения, правда, историк В.А. Кучкин, опираясь на непротиворечащие друг другу летописи, пришел к выводу, что Александр родился 13 мая 1221 г. [2, с. 176]. Однако в отечественной традиции утвердилось мнение В.Н. Татищева, относившего данное событие к 13 (30) мая 1220 г. [3, с. 210]. К сожалению, источники по-разному датируют даже год смерти Александра. Например, Владимирский летописец дает отсылку на «лето 6770»[2], Московский свод указывает «лето 6771»[3], а Новгородские документы относят это событие «в лето 6772»[4], т.е. к 1264 г.

В любом случае, пока Александр с 1252 г. занимал великокняжеский стол, определился характер новой политической системы страны, сохранившейся вплоть до смерти митрополита Алексия в 1377 г. К ней московская власть вернулась после нашествия Тохтамыша в 1382 г. и удерживала ее до 1441 г., когда митрополит Исидор был взят под стражу как «латинский злой приспешник» [4, с. 82]. Последний раз рецидив данной модели дал о себе знать при Михаиле и Алексее Романовых, но после Великого Собора 1666–1667 гг. стал трансформироваться в сторону абсолютизма.

Чтобы раскрыть специфику «оцерковленности» политической системы Руси, проанализируем предысторию ее возникновения. Она связана с целым рядом природно-климатических изменений, охвативших Евразию. Их катализатором стал малый ледниковый период. Его признаки дали о себе знать во второй половине XII в. С XIII в. условия жизни начали резко ухудшаться: пришли ранние заморозки, долгие зимы, землетрясения и ураганы. Это повлияло на частые неурожаи, падеж скота, голод, эпидемии и возросшую смертность, отразившиеся на изменении религиозно-политического сознания и поведения всех слоев общества.

К этому времени Русь перестала быть окраиной православной цивилизации, сделавшись главным объектом агрессивных устремлений католического мира. Дело в том, что с 1204 г. Константинополь из центра православия превратился в столицу Латинской империи. Сербия и Болгария признали приоритет папы римского, а Эпирский деспотат, Трапезундская и Никейская империи, возникшие на развалинах Византии, были слишком малы и не обладали достаточной мощью. Даже когда Никея овладела Константинополем и в 1261 г. смогла возродить Византию, она стала ориентироваться на Запад и в 1274 г. пошла на заключение унии. Ее «первое духовное падение» [5, с. 19] сделало Русь единственным оплотом православия, а русского митрополита — его главным охранителем.

Между тем, в окружении монгольских ханов было много восточных христиан, и «эти люди … стали могущественными» [6]. При дворе Мангу-

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. Т. II1. М.: Языки русской культуры; 2000.

[2] Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. Полное собрание русских летописей. Т. XXX. М.: Рукописные памятники Древней Руси; 2009.

[3] Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.: Языки славянской культуры; 2004.

[4] Новгородская четвертая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. IV. Часть 1. М.: Языки русской культуры; 2000.

хана и Кен-хана «оказывают христианам больше уважения, чем другим народам», причем, «князю Ярославу (*отцу Александра Невского — Н.А.*) они всегда давали высшее место» [7] и негативно относились к мусульманам. Недаром исламские страны, завоеванные монголами, лишились всех признаков независимости, включая территорию, форму правления и нормативно-правовую базу. Идя на Русь, Батый такой задачи не ставил, благодаря чему все элементы суверенной политической системы у нее сохранились. Видимо, Русь как вассал монгольского хана должна была содействовать превращению империи чингизидов (или ее золотоордынского улуса) в христианское государство. Тем самым с 1240 г. был открыт второй период русского православного миссионерства, продолжавшийся вплоть до взятия Казани в 1552 г. [8, с. 165–172]. Это начавшееся движение на восток говорило о том авторитете, которым стала пользоваться в Орде духовная власть Руси.

Симпатии монгольской элиты к православию уже в 30-е г. определили главный путь решения внешнеполитических задач, связанных с отношением Руси к Западу и Востоку, а вместе с ним к характеру организации власти. Сближение с Западом было отвергнуто. В идеологической подсистеме Руси с XI в. утвердилось жесткое правило, вменявшее всем в обязанность «вере латиньстей не прилучатися,.. и всякаго учения их бегати» [9], поскольку страны «латинской веры» потеряли былое благочестие и «отречены от Божественного закона». Поэтому «насади Бог рай на востоце, а на западе муку уготова»[5]. «Священство и царство» там не могут защитить подданных от мирских соблазнов. Значит, их власть не выполняет свою главную функцию — помочь людям спасти душу. Вместо этого она стремится силой оружия навязать «разврат веры» Руси. Долг православных правителей требует защитить страну от происков Запада.

К монголам отношение Руси с самого начала носило разноречивый характер, что привело к образованию двух политических лагерей. Первый лагерь, опираясь, главным образом, на труды Мефодия Патарского (VII в.) и иные сочинения апокрифического характера, не имеющие доверия со стороны официальной церкви, полагал, что уже настает конец света. Вслед за апокалипсическими всадниками голода, мора и смерти прибыл последний из них — всадник войны, приведя «к скончанью временъ» «ис пустыня Етриевьскы» «безбожнии татари»[6] — самый лютый народ. «И попленити им вся земля и доидут до рима»[7]. Они опаснее западных захватчиков и потому главный отпор дать надо именно им.

Приверженцы этой эсхатологической концепции, вступив в борьбу с «татарами», защищали старую схему организации власти. Как известно, она была представлена удельно-княжеской моделью управления, где великий князь был только первым среди равных. Высшим органом власти считался съезд (совет) князей, признающий над собой условное политическое лидерство императора Византии как верховного сюзерена всех восточных христиан. Его отсутствие с 1204 г. освобождало их от всякого формального подчинения любому внешнему правителю. Единственное исключение в этой схеме составлял институт вечевой демократии, но и он за пределами Новгородской республики мог действовать только в экстренных случаях при отсутствии князя и с разрешения церковных властей. Появление любого нового фигуранта в этой политической системе было совершенно неприемлемо, тем более, если оно заставляло подчиниться «татарскому хану».

Видными представителями этого лагеря, который по типу политического участия можно охарактеризовать как оборонительно-мобилизационный, в означенный период стали рязанские и галицко-волынские князья, а также младший брат Александра Невского Андрей Суздальский. Именно в его уста летописец вложил фразу, ставшую их политическим девизом: «лутчи ми есть бежати въ чюжую землю, неже дружитися и служити Татаромъ»[8]. Также решительно были настроены братья его отца: Всеволод и Мстислав, готовые «умрети пред Златыми вороты,.. ниже в воле их быти»[9].

Обычно этих князей вспоминают, когда речь заходит о героической борьбе Руси с восточной агрессией 1237–1240 гг., хотя такой тезис

[5] Летопись по Воскресенскому списку. Полное собрание русских летописей. Т. VII. М.: Языки русской культуры; 2001.

[6] Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997.

[7] Слово Святаго отца нашего Мефодия Таганьскаго сказание. о последних летех. Мильков В.В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Изд-во РХГИ; 1999.

[8] Никоновская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. X. М.: Языки русской культуры; 2000.

[9] Софийская первая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 1. М.: Языки русской культуры; 2001.

противоречит имеющимся объективным данным [10, с. 5]. По подсчетам историков, к началу XIII в. число городов на Руси приблизилось к 300, а упорное сопротивление монголам оказали всего 10. В остальных случаях население либо отсиживалось за крепостными стенами, ожидая своей участи, либо открывало кочевникам ворота. Неслучайно из 74 городов, попавших в зону их нашествия и изученных археологами, 25 получили пощаду. Не рвались в бой и княжеские дружины. К концу первой трети XIII в. на Руси имелось около 50 княжеств, 12 из которых представляли серьезную военно-политическую силу, но мы знаем всего три случая, когда князья не прятались по лесам и не уводили свои войска к соседям, а выходили на битву. Это побоище 1223 г., где почти все дружины проявили непонятную пассивность в день битвы. Это сражение под Рязанью в 1237 г. и бой у Коломны в 1238 г. Подобная мобилизационная слабость, не позволившая лидерам данного политического лагеря повести за собой народ и дать решительный отпор врагу, связана с отсутствием поддержки со стороны официальной церкви. Поэтому они были обречены на поражение. Вместе с ними на поражение в борьбе с монголами была обречена Русь.

Содействие церкви было на стороне оборонительно-соглашательского лагеря. Его духовными вождями стали митрополит Кирилл II и окружавший его епископат, взявшие на себя роль «проводников политики мирного подчинения Орде» [11, с. 141]. Светскую власть в этом лагере представляли великий князь Ярослав Всеволодович, а после его смерти в 1246 г. — Александр Невский. Они смотрели на пришествие «татар» как на кару, наложенную «ради съгрешениа и неисправлениа к богу» русских людей. «И богъ на ны разгневась и наказа нас, яко же чадолюбивыи отець»[10]. Чтобы не гневить Бога, Руси надо принять власть монгольского хана и смиренно нести свое иго. Сопротивляться надо только Западу, несущему угрозу православию. Когда Господь увидит, что русские исправились в своих винах и стали тверды в вере, Он снимет наложенное иго.

Данная цель определила будущий путь страны. В критических условиях, когда главный натиск католических сил приходился на Русь, она не могла опереться ни на одну из православных стран. Поэтому Руси был нужен мощный идеологический щит в лице своего духовенства и военный союзник, способный поддержать ее в борьбе с Западом. Таким союзником мог стать только ордынский хан. Кроме того, Руси требовалось восстановить свое единство перед лицом общего врага, идущего с Запада. Подобное единство могло дать только усиление авторитарных начал внутри самой Руси. Кроме того, требовалось создать надлежащий политический институт, который бы умел не только координировать действия светской и духовной власти на всех уровнях, но и представлять все области Руси в решении государственных вопросов. Его аналогом был Церковный Собор.

Влияние оборонительно-соглашательского лагеря привело, как считают некоторые ученые, к «трусливому бегству» [12, с. 159] епископата на север и к полной пассивности целого ряда князей, что дало возможность Батыю только за один месяц февраль подчинить себе самое могущественное Владимирское княжество, способное «Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти»[11]. Например, Ярослав лишил военной помощи родной Переяславль, Александр, укрепив границу с Прибалтикой, ничего не сделал для защиты восточных рубежей и не оказал поддержки Торжку, входившему во владения Новгорода, где он тогда правил. Беря пример с «Александра, борьбу с Ордой не стали поддерживать и ростовские князья… Борис и Глеб, ездившие в Орду чуть ли не каждый год» [11, с. 143]. Те области, что не пожелали мирно подчиниться хану, были приведены к покорности силой. Так Александр подавил в 1257 г. антиордынское выступление в Новгороде и добился того, чтобы в том же году «поидоша вси кнзи въ Орду»[12].

Провозгласив в 1245 г. ордынского хана своим «цесарем»[13], Ярослав и Александр положили начало разрыву Руси с удельно-княжеской моделью управления. Появление «цесаря» изменило прежнюю вертикаль властных отношений в пользу авторитарной формы правления. Государственная власть на Руси получила возможность персонифицироваться в одном лице, а не в закрытом совете князей. Назначаемый «цесарем» великий

[10] Софийская вторая летопись. Полное собрание русских летописей. Т. VI. Вып. 2. М.: Языки русской культуры; 2001.

[11] Слово о полку Игореве. Памятники литературы Древней Руси: XII век. М.: Художественная литература; 1980.

[12] Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки русской культуры; 1997.

[13] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры; 2000.

князь уже мог не смотреть на себя как на первого среди равных, имея право на усиление своих властных полномочий как непосредственного представителя царской власти. Это вело к подрыву олигархического характера совета князей и резкому ослаблению роли веча в структуре управления. Существенным недостатком новой политической системы стал институт баскачества. Баскаки и численники контролировали сбор дани для «цесаря» и следили за сепаратистскими настроениями, периодически возникавшими на Руси. Однако они назначались весьма нерегулярно, имея свои резиденции только в крупных городах, что позволяло князьям из оборонительно-соглашательского лагеря рассчитывать на их поддержку в борьбе со своими противниками из мобилизационного лагеря.

Желание Александра и Кирилла укрепить в системе управления «божеские» начала объективно вело к усилению политической роли духовной власти. В их понимании она была более «чиста» перед Богом и лучше знала смысл христианской государственности. Важным результатом такой политики стало открытие в 1261 г. в столице Золотой Орды Сарайской епископии, поставленной в прямое подчинение митрополиту всея Руси. Русская церковь получила освобождение от налогов и полную поддержку «цесаря», что только укрепило ее лидирующие позиции во всех структурных элементах политической системы страны. И если власть великого князя ограничивалась пределами Руси, то духовная власть митрополита смогла распространиться на Орду и Молдавию.

Заняв решающее положение, Кирилл стал поддерживать курс на усиление центральной светской власти. В этом он как наставник Александра видел путь к укреплению политического и духовного единства Руси. От лица «священства» не было составлено ни одного документа, осуждающего «цесаря» или оправдывающего центробежные тенденции. Диктуя свою волю князьям, епископат вынуждал их «подчиняться церковному обиходу». Таким образом, Александр и его преемники из московских князей, встав на путь «оцерковления» государства, «стремились, пусть и не всегда удачно, приблизить свое делание к церкви, поднять все до ее уровня, уйти в нее, а не… отделиться, эмансипироваться и снизить все возвышенное до потребностей обывателя» [13, с. 17, 21]. В идеологической подсистеме страны на щит была поднят старый христианский лозунг социального бытия: «если не спасешься сам, не спасет и Бог». Он подчинял правилам веры всю государственную жизнь и отражал характер формирующегося «оцерковленного государства» [13, с. 25], обязанного жить по формуле: «Свет мирянам — иноки, свет инокам — Ангелы». В ней четко утверждался принцип превосходства «священства» над мирской властью и объяснялось отождествление Церкви с «образом и подобием Бога», что позволяло ей трактовать себя как некое «наднациональное отечество — Царство Божие — церковную империю» [14, с. 33], не имеющую себе равных.

Эту установку, закрепляющую за «священством» политическое лидерство в институциональной подсистеме подтверждает «Житие Александра Невского», видимо, специально для этого написанное. В нем не только подчеркивается покорность великого князя своему митрополиту, которого он «слушается и чтит, словно самого Христа», но и обосновывается его долг повиноваться «цесарю». Исполняя его, Александр делает уступку «Небесной мудрости»[14], требующей исполнять долг повиновения, опираясь на принцип смирения. Простить Русь и вернуть ей политическую свободу может только Господь, как некогда Он даровал ее древним евреям за смирение перед Ним.

При этом в контексте нормативно-правовой сферы управления монархия, опирающаяся на союз «священства и царства», рассматривалась как основа стабильного общества, разрушаемого внешними и внутренними угрозами. Исходя из решений Пятого и Седьмого Вселенских Соборов (VI, VIII вв.) и Шестой Новеллы императора Юстиниана (VI в.), закрепленной в «Эпанагоге», церковное право утверждало, что «невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя». Объясняло оно это тем, что монархия дарована Богом во благо, а не во зло. Сопротивление ей уподоблялось неповиновению «Царю Небесному» и нарушению принципа «органической» системы власти и ее главных частей — «священства» и «царства». Их согласие составляет душевный и телесный мир страны, что и было зафиксировано «Кормчей книгой», транслирующей «Эпанагогу» и принятой в качестве основного нормативного документа Руси в 1274 г.

Однако внедрение централизующего фактора в политическую систему Руси в лице «цесаря» не

[14] Житие Александра Невского. Изборник. М.: Художественная литература; 1969.

могло привести к установлению абсолютизма. Дело в том, что Девятый член Никео-Цареградского символа веры призывал блюсти «церковь православную соборную». Поэтому любой путь к абсолютизации высшей светской или духовной власти был не приемлем для «оцерковленного» государства, где соборность рассматривалась как одна из основ управления. Только отказавшись от принципа соборности, как это сделали в свое время римские папы, а за ними европейские монархи, соединившие в своих руках всю полноту высшей светской и духовной власти, можно было прийти к абсолютизму.

Начало процессу институционализации принципа соборности, который должен сопрягаться с сильной центральной властью, а не противостоять ей, положил Владимирский собор, созванный митрополитом Кириллом уже после смерти Александра Невского в 1274 г. Он дал начало становлению института Земских соборов, впервые собрав со всей страны широкий круг представителей светской и духовной власти. Таким образом, реализация идеи их соработничества стала принимать практический характер и воплощаться в последующих аналогичных заседаниях, например, таких, как Переяславский собор 1310 г. Его особенностью станет широкое представительство рядовых граждан. Согласно «Житию святого Петра митрополита», «на соборе том присутствовали епископ,.. князья, бояре, священники, иноки и великое множество других» людей[15]. Подобно Владимирскому, этот собор принял меры к защите оборонительно-соглашательского политического курса. Кроме того, зарождающуюся соборную деятельность можно рассматривать как форму политического дискурса, поскольку здесь осуществлялось коммуникативное взаимодействие субъектов и объектов государственной власти, направленное на согласование их позиций и выработку единой политической воли.

Приведенные факты вступают в противоречие с популярным мнением видных деятелей марксизма и евразийства, утверждавших, что решающее влияние на политическое развитие России оказала Золотая Орда [15, 16]. Эти авторы не учли религиозный фактор, который не позволял светской и духовной власти Руси внедрять политические институты и методы управления от «инославных» государств. Католическая, исламская или языческая власть для Руси не могла идти в расчет, поскольку не отвечала «истинным» правилам государственного устройства. Поэтому следует принять мнение С.М. Соловьева и В.О. Ключевского, считавших, что Орда не могла изменить государственное управление Руси [17, 18]. В данной связи уместно поставить под сомнение современные аналитические выводы, говорящие о существенной разнице «школы Н.М. Карамзина и школы С.М. Соловьева», якобы, по-разному понимающих роль «ордынского фактора» в строительстве русского государства [19, с. 160].

Правоту русских классиков подтверждают юридические источники, находящиеся в тесной связи с политической жизнью и фиксирующие ее характерные особенности. Для того чтобы Русь начала внедрять у себя восточную политическую систему или ее отдельные элементы как свои собственные, ей надо было принять «Ясу» Чингисхана — главный юридический документ Орды, но действие «Ясы» распространялось только на языческие и мусульманские страны. Это же касалось и гражданского права, а Кормчая книга, Псковская судная грамота и Судебники не имеют никаких отсылок к восточным документам.

Между тем, несмотря на все новации, затронувшие институциональную, нормативную, культурно-идеологическую и даже коммуникативную подсистемы общества, процесс модернизации при Александре Невском не имел революционного характера, так как не предусматривал никакого решительного слома прежней модели управления. Формально не была нарушена удельно-княжеская система, сохранив все старые политические и социальные институты. Русь по-прежнему считалась коллективной вотчиной всего клана Рюриковичей. Только они имели право носить княжеский титул и осуществлять властные полномочия. Во Владимире сидел великий князь, считавшийся старшим среди князей. Ему мог наследовать только представитель его рода и никто иной. На местах оставались старые удельные династии, держащие прежний принцип наследования престола, идущий от брата к брату, а не от отца к сыну. Все вопросы, затрагивающие интересы отдельного княжества, обсуждались на внутреннем совете князей. Княжества сохранили себя в качестве относительно самостоятельных политических единиц. Их границы менял только процесс дробления, вынуждавший выделять

[15] Житие святого Петра митрополита. Избранные жития русских святых (X–XV вв.). М.: Молодая гвардия; 1992.

наследникам уделы. Боярство, как и дворянство, оставляло за собой право перехода на службу к любому из князей.

Не удалось Александру сломать вечевую управленческую модель на севере Руси. В 1259 г. он в очередной раз был изгнан из Новгорода, у которого вся полнота власти, как и раньше, была сосредоточена в руках периодически созываемого веча. Приглашаемый им князь мог только председательствовать в совете, состоящем из бояр и посадников. Совет решал текущие дела, доверяя князю их утверждение. Не имея реальной власти, князь выполнял полицейские функции, обеспечивая внутренний порядок, а в период военных действий возглавлял народное ополчение. Наличие князя, с одной стороны, указывало на то, что Новгородская земля не считает себя республикой, так как республиканская форма правления противоречит социально-политическим принципам православия. С другой стороны, приглашая к себе княжить Рюриковичей, новгородцы признавали над собой власть этой династии. Архиепископ Новгорода был высшим представителем духовной власти на севере Руси. В административном плане он подчинялся митрополиту Руси и Поместному «Освященному» Собору как высшему законодательному органу русской церкви. Таким образом, не светская, а именно духовная власть в Новгородских владениях со второй половины XIII в. играла роль скрепы, мешающей развитию сепаратистских настроений в этом регионе и выделению его в отдельное государство.

Вместе с тем, сделанный оборонительно-соглашательским лагерем выбор в пользу «цесаря», имел важные и далеко идущие последствия. В первую очередь, институциональная подсистема Руси получила новый элемент, который, возглавив светскую власть страны, положил начало укреплению вертикали государственного управления. Это предохранило Русь от полного политического развала, который пережила Германия, также не произошло опасного усиления демократических институтов местной знати, как это случилось в Польше, что ослабило ее мобилизационное единство и привело к потере независимости.

Принцип смирения перед высшей властью и покорности ей, внушаемый церковью, также имел свое положительное значение. Церковь учила, что если православный человек научится любить и чтить царя земного, то он будет любить и чтить Царя Небесного. Следовательно, станет удерживать себя от действий, идущих вразрез с основами веры. Этот принцип начал пронизывать светскую и духовную иерархию Руси. Великий князь должен считать себя холопом (слугой) царя и митрополита, удельные князья должны быть холопами старшего князя и своего епископа, повинуясь каждому из них как «отцу своему и без его воли дел не вести». Соответствующие отношения складывались между князьями и их боярами, а дворянское сословие с самого начала смотрело на себя как на «служилых холопов».

Подобные новации провоцировали рост противоречий внутри самой политической системы Руси. Их основой стало столкновение традиционной модели управления с новыми тенденциями, грозившими лишить удельных князей прежней самостоятельности, а значительную часть населения — старого уклада жизни, в котором институт прямой демократии вечевого типа до 1262 г. играл иногда значимую роль. Только после поездки Александра в Орду он был подавлен силой и постепенно исчез с политической арены. Это усилило оппозиционные волнения оборонительно-мобилизационного лагеря, идущие под лозунгом борьбы с ордынским «цесарем» и «татарами». Данные противоречия способствовали падению уровня устойчивости базовых потенциалов Руси как конфедерации относительно независимых княжеств. Западные уделы, чтобы сохранить у себя традиционные социально-политические стандарты, стали ориентироваться в первую очередь на Литву, готовую ради подчинения Руси пойти на уступки в этом вопросе.

Вместе с тем, сделанный Александром и митрополитом Кириллом выбор в пользу института царской власти, сопряженного с институтом соборности, вел к уменьшению внутренних конфликтов и минимизировал возможность военно-политических столкновений с Золотой Ордой. Это дало возможность собрать силы для отражения агрессии с Запада и заняться культурным строительством, ориентированным на подъем духовных ценностей. При этом геополитическое влияние Руси значительно возросло. Она избежала тенденции к периферизации и стала выступать на международной арене как главная и единственная опора православной цивилизации. Русь сумела остановить движение романо-германского

мира на восток Европы, не признала над собой власть римского папы и осталась самым крупным государством Европы.

Такое положение дел можно расценить как несомненный успех оборонительно-соглашательского лагеря и построенной им модели «воцерковленного» государства. А его основополагающие начала, выдвинутые Александром Невским, предвосхитили принципы современного международного права. Это: «Не в силе Бог, а в правде» (неприменение силы или угрозы силой против любого государства); «Жить, не приступая в чужие части» (неприкосновенность территориальной целостности государств и нерушимость их границ); «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет» (Ст. 51 ООН, дающая право государствам на индивидуальную и коллективную защиту против агрессии).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нестереренко А.Н. Ложные нарративные биографии Александра Невского в отечественной историографии. *Вопросы истории*. 2016;(1):103–114.
2. Кучкин В.А. О дате рождения Александра Невского. *Вопросы истории.* 1986;(2):174–176.
3. Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8 томах: Т. 2–3. История Российская. Часть 2. М.: Ладомир; 1994. 688 с.
4. Малето Е.И. Ферраро-Флорентийский собор 1438–1439 гг. и великое княжество Московское. Вопросы истории. 2017;(11):82–100.
5. Багдасарян В.Э. Второй Рим против Третьего Рима: исторический генезис конфликта Константинопольского патриархата и Русской Православной Церкви. Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2019;(3):17–31.
6. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 2–3. Т. 3. М.: Изд-во Академии наук СССР; 1960.
7. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль; 1997.
8. Ершов Б.А., Фурсов В.Н. История развития миссионерского служения русской православной церкви. *Вопросы истории*. 2017;(6):165–172.
9. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря; 1995.
10. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII век). М.: Госполитиздат; 1956. 280 с.
11. Тарабрин С.Ю. Церковно-политическая деятельность ростовского епископа Кирилла после монгольского нашествия. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2018;18(2):140–144.
12. Галимов Т.Р. Место киевского митрополита в церковно-ордынских отношениях. 1237–1281 гг. Казань: КГАСУ; 2017. 230 с.
13. Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник; 1996. 450 с.
14. Морозова Л.Е. К вопросу о времени появления понятия «патриотизм» в общественном сознании широких народных масс. Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.). Сборник статей. Л.Н. Пушкарев, ред. М.: Институт российской истории РАН; 1994. 206 с.
15. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. *Вопросы истории*. 1989;(4):7–11.
16. Савицкий П.Н. Степь и осёдлость. Русский мир. Сборник. СПб.: Terra Fantastica; 2003.
17. Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. II. М.: Мысль, 1988.
18. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
19. Политов В.В. Влияние монголо-татарского ига на древнерусское государство в дореволюционной историографии. *Вопросы истории*. 2016;(2):160–172.

REFERENCES

1. Nesterenko A.N. False narrative biographies of Alexander Nevsky in Russian historiography. *Voprosy istorii*. 2016;(1):103–114. (In Russ.).
2. Kuchkin V.A. About the date of birth of Alexander Nevsky. *Voprosy istorii*. 1986;(2):174–176. (In Russ.).
3. Tatishchev V.N. Collected works. In 8 volumes. Vol. 2–3. The History of Russia. Part 2. Moscow: Ladomir; 1994.
4. Maleto E.I. Ferraro-Florentine Cathedral 1438–1439 and the Grand Duchy of Moscow. *Voprosy istorii*. 2017;(11):82–100. (In Russ.).

5. Bagdasaryan V.E. The Second Rome against the Third Rome: The historical Genesis of the conflict between the Patriarchate of Constantinople and the Russian Orthodox Church. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Istoriya i politicheskie nauki»*. 2019;(3):17–31. (In Russ.).
6. Rashid ad-din. Collection of Chronicles. Vol. 3. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1960. (In Russ.).
7. Rubruk G. de. Journey to the East countries. The Book Of Marco Polo. Moscow: Mysl; 1997. (In Russ.).
8. Yershov B.A., Fursov V.N. History of the development of the missionary service of the Russian Orthodox Church. *Voprosy istorii*. 2017;(6):165–172. (In Russ.).
9. Metropolitan Makarii (Bulgakov). History of The Russian Church. Book 2. Moscow: Publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Valaam monastery; 1995. (In Russ.).
10. Pashuto V.T. The heroic struggle of the Russian people for independence (XIII century). Moscow: Gospolitizdat; 1956. (In Russ.).
11. Tarabrin S. Yu. Church and political activity of Bishop Kirill of Rostov after the Mongol invasion. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018;18(2):140–144. (In Russ.).
12. Galimov T.R. the Place of the Kiev Metropolitan in Church-Horde relations. 1237–1281 years. Kazan: KGASU; 2017. (In Russ.).
13. Archimandrite Cyprian (Kern). The anthropology of St. Gregory Palamas. Moscow: Pilgrim; 1996. (In Russ.).
14. Morozova L.E. On the question of the time when the concept of "patriotism" appeared in the public consciousness of the broad masses of the people. World perception and self-consciousness of the Russian society (XI–XX centuries). Collection of articles. L.N. Pushkarev, ed. Moscow: The Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences; 1994. (In Russ.).
15. Marx K. Revelations of the diplomatic history of the XVIII century. *Voprosy istorii*. 1989;(4):7–11. (In Russ.).
16. Savitsky P.N. The steppe and the sedentary. Russian world. Collection. St. Petersburg: Terra Fantastica; 2003. (In Russ.).
17. Solovyov S.M. Collected works. Book II. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
18. Klyuchevsky V.O. Collected works. Vol. Moscow: Mysl; 1988. (In Russ.).
19. Politov V.V. Influence of the Mongol-Tatar yoke on the old Russian state in pre-revolutionary historiography. *Voprosy istorii*. 2016;(2):160–172. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Васильевич Асонов — доктор политических наук, профессор кафедры политологии, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
nbassonov@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Faculty of Political Sciences, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
nbassonov@yandex.ru

Статья поступила 13.02.2020; принята к публикации 03.03.2020.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article received on 13.02.2020; accepted for publication on 03.03.2020.
The author read and approved the final version of the manuscript.